УДК 94 (470+576.1) ”1899-1905”

Бордаков Максим Александрович – магистрант Школы педагогики Дальневосточного федерального университета по направлению «Историческое образование», корреспондент филиала Всероссийской государственной телерадиокомпании «Государственная телерадиокомпания «Владивосток»» (г. Уссурийск). *E-mail: mbordakov@yandex.ru*

Maxim Aleksandrovich Bordakov – correspondent of the branch of the All-Russian State Television and Radio Broadcasting Company "The State broadcasting company "Vladivostok"" (Ussuriisk). *E-mail: mbordakov@yandex.ru*

М.А. Бордаков
M.A. Bordakov

Особенности организации контроля над периодической печатью на Дальнем Востоке России в начале XX в.

В статье рассматривается вопрос о становлении института цензуры на восточных рубежах Российской империи в начале XX в. Автор описывает особенности организации контроля печатного слова в самых отдаленных регионах России. Уделяется внимание специфике осуществления надзора над периодической печатью местными чиновниками и представителями интеллигенции в условиях отсутствия на Дальнем Востоке представителя Цензурного комитета при Управлении по делам печати.

The features of organization of the control of periodicals in the Far East of Russia at the beginning of the XX century

In this article the question of formation of the institute of censorship at the east boundaries of the Russian Empire at the beginning of the XX century is considered. The author describes the features of organization of the control of the printing word in the most remote regions of Russia. The attention to specifics to implementation of supervision of periodicals by local officials and representatives of the intellectuals in the conditions of absence in the Far East the representative of the Committee on censorship by the Administration for the press is given.

***Ключевые слова**: цензура, дальневосточная печать, Восточный институт, губернская администрация, Русско-японская война, свобода слова.*

***Keywords**: censorship, Far-Eastern press, Eastern institute, provincial administration, Russian-Japanese war, freedom of speech.*

Уже более 20 лет литература и журналистика в России работают без четко организованной системы цензурного контроля: с распадом Советского Союза органы печати попали в условия свободы слова. А ведь четко оформленный

институт цензуры и контроля печати действовал в нашей стране, начиная с XIX в. и до конца XX в. Именно поэтому дискуссии о роли цензурных комитетов и учреждений ведутся в России с удвоенной силой, ведь представление о цензурной деятельности есть непременное условие понимания не только истории журналистики, но и общественно-политических процессов целой эпохи, поскольку пресса была и остается важным историческим источником.

Цель настоящей статьи – рассмотреть процесс организации цензорской деятельности на Дальнем Востоке России в начале XX в., а также показать особенности цензорской практики в регионе. Как раз в это время происходит становление официального института контроля периодики как отдельно действующей структуры на самых восточных рубежах страны. Ввиду удаленности региона, небольшой плотности населения, дефицита высокообразованных лиц Министерство внутренних дел не сразу организует в дальневосточных городах место для работы отдельного цензора, а потому с системой контроля деятельности газет происходит неразбериха. Обязанности цензоров перелагали с одного чиновника на другого, иногда эту работу выполняли полицейские, через какое-то время свое «одобрение» под материалами ставили вице-губернаторы, потом их заместители и так далее.

Вопросами изучения истории цензуры в России занимаются многие ученые. Классическим исследованием, в этой связи, является работа Г.В. Жиркова «История цензуры в России XIX – XX вв.» [1]. Богатая источниковая база и анализ научной литературы позволили автору описать историю цензуры почти за два столетия. Автор делает вывод о преемственности цензурного режима с начала XIX в. и до середины XX в. Анализируется вопрос организации цензорской деятельности в масштабах государства.

Всеохватное исследование вопроса находим в работах Н.Г. Патрушевой [2], которая подробно знакомит читателя с деятельностью Главного управления по делам печати при МВД России в конце XIX – начале XX вв. Исследователь Б.И. Есин [3] воссоздал историю надзора в России в документах. В своей работе он публикует документы, которые регламентировали работу российских журналистов и издателей на протяжении целого столетия. О структуре, задачах и взаимодействии органов контроля и издателей в разные годы рассказывают в своих работах историки Л.М. Добровольский и А.Ф. Бережной [4]. Перечисленные авторы знакомят историков, журналистов и издателей с общим представлением о развитии газетного дела и цензуры в исследуемый нами период. Что касается пространственных границ вопроса, то историей цензорской деятельности на Дальнем Востоке, в основном, интересовались ученые, проживающие в этом регионе. Однако фундаментальных работ по этой теме почти нет. Исследователи касались вопросов организации контроля печати в общих чертах, изучая историю периодической печати Дальнего Востока в целом.

Пионером в детальном изучении истории дальневосточной журналистики, в том числе цензорской деятельности дореволюционной эпохи, стала Л.М. Сквирская. В конце 60-х гг. прошлого века эти сюжеты получили отражение в её диссертации «Возникновение и развитие периодической печати

на Дальнем Востоке во второй половине XIX в.». В этой работе автор подробно осветила возникновение газетной журналистики в крупных городах региона, уделив значительное место вопросам цензуры. В частности, Л.М. Сквирская утверждала, что дальневосточная пресса конца XIX столетия старалась следовать «… демократической традиции, несмотря на усиливающийся режим цензурного гнета» [5. С. 12]. В Кратком очерке истории журналистики на Дальнем Востоке в XIX – начале XX вв. тот же автор более подробно останавливается на цензурном вопросе и делает вывод о том, что отсутствие четко организованного института цензуры поставило местную периодическую печать в полную зависимость от никем не ограниченного произвола администрации» [6. С. 38]. Вопросы контроля периодики Сквирская поднимала также в многочисленных статьях.

Автор монографии «Печать Дальнего Востока накануне и в годы Первой русской революции (1895 – 1907 гг.)» И.Г. Стрюченко первым из советских историков рассказал о работе не только большевистской печати, но и о газетах другой идеологической направленности, что само по себе было прогрессом в то время. И хотя его работа написана с марксистско-ленинских позиций, она до сих пор пользуется уважением у современных ученых, так как основана на обширном фактическом материале. В книге есть небольшая глава, посвященная цензурному законодательству, в которой автор коротко рассказывает о борьбе демократически настроенных редакторов с цензурными запретами. По мнению И.Г. Стрюченко, в первых годах XX столетия положение дальневосточной прессы осложнялось тем, что регион становится фокусом международных противоречий, а потому «… власть накинула на периодические издания узду молчания» [7. С. 57].

Для историографии нашей темы значительный интерес представляют работы последнего двадцатилетия. Вопросы цензорской работы затрагивает в своем исследовании И.А. Шахова. Преподаватель Амурского государственного университета подготовила труд, в котором рассматривает взаимодействие периодической печати и органов государственной власти Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX вв. Автор довольно глубоко исследует роль местной власти в становлении печати, говорит о ее взаимодействии в годы Первой русской революции, а также затрагивает проблему взаимоотношения цензуры и органов периодической печати. В частности, Шахова говорит о «… традиционном арсенале средств цензора для воздействия на повременные издания, в целом, характерном для России, но в специфическом дальневосточном исполнении» [8. С. 16], не углубляясь в суть вопроса. В целом, историю периодической печати Дальнего Востока конца XIX – начала XX в. изучают и другие исследователи, но подробно на организации цензорской деятельности они почти не останавливаются.

Источниками по изучению цензуры в российских губерниях служат документы, которые хранятся, прежде всего, в региональных архивах. Основной массив источников по теме настоящей статьи находится в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока во Владивостоке. Здесь сосредоточено большое количество материалов о работе Конференции

Восточного института – первом «полуофициальном» цензурном органе в Приамурском крае. Там же находятся циркуляры МВД, касающиеся организации работы отдельного цензора, а также переписка редакторов с органами государственной власти. Важным источником по изучению истории цензуры на Дальнем Востоке являются сами газеты. Часто работники пера рассказывали на страницах газет о работе цензоров и о своём несогласии с официальной трактовкой или мнением контролирующего печать органа. В этой связи, полезно обратиться в Приморский государственный архив, где хранятся сшивки газет начала XX в., в Государственный архив Хабаровского края, архив Амурской области, в библиотеку Общества изучения Амурского края.

Во времена России императорской работники слова должны были четко следовать строгим правилам Цензурных уставов 1804, 1826, 1828 гг., а также Временным правилам, которые выходили в 1865 и 1882 гг. В другие года тоже появлялось огромное количество различных постановлений и указов, табуировавших определенные темы. С помощью многочисленных циркуляров, которые Управление по делам печати спешило отправлять отдельным цензорам в провинции, правительство пыталось сохранить контроль над прессой в условиях, когда последняя все больше находилась под влиянием общественности. «… Быстрое увеличение числа циркуляров создавало проблемы как цензорам, так и деятелям» [9. С. 54].

В конце XIX в. чиновники сразу двух министерств России – внутренних дел и юстиции – высказывают озабоченность по поводу отсутствия на Дальнем Востоке полноценного цензурного органа, хотя до этого «… из-за малочисленности печатных органов Главное управление по делам печати не считало целесообразным создание на Дальнем Востоке цензурных комитетов» [6. С. 37]. Ввиду удаленности Цензурного комитета, который действует при Управлении по делам печати МВД, поверхностной проверкой выходивших в дальневосточных городах газет занимаются местные чиновники из числа работников канцелярии приамурского генерал-губернатора, чиновники местного губернского управления и другие представители власти.

Еще сложнее вопрос обстоял с проверкой периодики на иностранных языках. К началу 20 столетия почти все мировые державы уже вели активную политику на Дальнем Востоке, росло население российских городов. Со строительством Транссиба увеличилось и количество морских контактов. В открытые российские порты стали поступать иностранные газеты и журналы, книги. Все острее вставал вопрос: кто будет следить за тем, чтобы вся поступающая из-за границы пресса проходила контроль по правилам ст. 191 Устава о цензуре? В отчете начальника приамурского почтово-телеграфного округа от 30 ноября 1899 г. читаем, что первые номера газеты на иностранных языках организованно, т. е. по подписке, приходят в порт Николаевск в 1894 г. Всего же за пять лет владивостокская и николаевская почтово-телеграфные конторы получили из-за границы 4834 газет (в штуках). В списке 107 газет, в основном, из Америки и Японии. Среди них «Railroad gazette”, “Madras Weekly mail”, “The New-york weekly”, “Ziam Free press”, “The glabe”, “Japan Times”, “Nagazaki Press”, “Japan Gazzette” и др. Из этого отчета также следует, что

получение зарубежных периодических изданий в Николаевской почтовой конторе с каждым годом уменьшается, во Владивостоке, напротив, увеличивается [10. Д. 199. Л. 23].

В 1899 г. открылся Восточный институт. Это не только дата рождения высшего образования на тихоокеанских рубежах империи, но и время появления во Владивостоке цензурных органов иностранной периодической печати. Регион, который граничит с Китаем, Кореей и Японией, становится своего рода центром изучения восточных языков, и это признают даже в Императорской академии наук. До 1901 г. в г. Санкт-Петербург посылали литературные произведения на восточных языках для цензурирования. В начале 90-х гг. иностранных подшивок с Дальнего Востока было немного, но в конце последнего десятилетия количество книг, журналов, рукописей на китайском и японском языках стало приходить гораздо больше. Чтобы попасть на стол цензора, издания преодолевали расстояние в 9 тыс. км. Руководство Императорской академии наук информировало, «… что лиц со знанием восточных языков становится недостаточно для такого объема работы, и просит освободить от обязанностей по цензурированию» [10. Д. 219. Л. 12]. Тогда в Управлении по делам печати МВД всерьез задумываются о том, чтобы перепоручить проверку изданий на иностранных языках специалисту на месте, к тому же и канцелярия генерал-губернатора просила г. Петербург (в связи с увеличением числа периодики и других печатных изданий) об учреждении при Николаевской и Владивостокский почтово-телеграфных конторах отдельной ценуры. Ведь газеты, выписываемые из-за границы по почте, цензурировались особым учреждением – «Цензурой газет и журналов при почтамте», находившемся в ведении Главного управления почт и телеграфов. Данный орган работал при почтовых комитетах больших городов. Удовлетворённые такой практикой в других регионах Российской империи чиновники из Министерства внутренних дел рассчитывали решить аналогичным образом вопрос и на восточных рубежах страны. Еще в 1899 г. начальник Управления по делам печати Г.Н. Зверьев предложил генерал-губернатору Н.И. Гродекову создать должность отдельного цензора по иностранной цензуре при почтово-телеграфных комитетах. В тот же год канцелярия г. Хабаровска просит руководство почтово-телеграфного округа возложить на начальников почтовых управлений во Владивостоке и Николаевске (крупных портов, через которые приходят основные тюки с заграничными посылками) или их помощников такие обязанности. Строго говоря, они должны стать цензорами получаемых из-за границы периодических изданий до учреждения отдельной цензуры. Как уже отмечалось, такая система существовала в крупных городах. Согласно Уставу о цензуре и печати за 1865 г., цензура, учрежденная при почтовом ведомстве, обязана ежемесячно уведомлять Комитет цензуры по иностранной печати о том, какие номера иностранных газет и журналов ею удержаны. Однако начальник приамурского почтового округа Н. Андреев с обоснованной категоричностью доложил о том, что подобная работа слишком обременительна для данных лиц. К тому же они «… некомпетентны в знании иностранных языков, а в Николаевской почтово-телеграфной конторе вообще нет ни одного чина,

знающего английский язык» [10. Д. 199. Л. 22].

Попытки создать должности иностранного цензора при Управлении военного губернатора Приморской области тоже ни к чему не привели. «Свободных чинов» для этой работы не нашлось и здесь. Между тем, все чаще и чаще местные власти сталкивались с проблемой отсутствия «стражей печатного слова». Так, неоднократно генерал-губернатор получал письма от чиновников таможенного надзора с вопросами такого содержания: «… куда направлять для цензуры получаемые с прочими товарами печатные произведения на иностранных языках ввиду удаленности цензурного комитета в Европейской России»? [10. Д. 199. Л. 7]. Стало очевидно, что медлить с появлением института цензуры в регионе было более нельзя, к тому же, международные контакты в регионе с каждым годом только росли.

В августе 1901 г. вопрос о цензурировании иностранных изданий частично решается. Управление по делам печати поручает Конференции Восточного института проверять на соблюдение правил Цензурного устава произведения печати на японском, китайском, монгольском, тибетском, калмыцком и бурятском языках. Тогда же чиновники Главного цензурного комитета сообщали, что ближайший от Дальнего Востока цензурный пункт по европейским языкам – г. Москва.

Понятно, что такое положение дел мало удовлетворяло подписчиков и читателей. В газете «Восточный вестник» от 22 марта 1902 г. в разделе «Хроника» находим заметку под названием «Крайне неудобное распоряжение». Автор материала сообщает: «… Недавно сделано распоряжение, по которому все иностранные газеты с побережья Тихого океана, кроме китайских и японских, адресованные во Владивосток, предварительно направляются в Москву, в местный комитет. Вследствие такого распоряжения, местные подписчики узнают разные новости позже, чем в Москве и Петербурге, терпят большие неудобства в своих разного рода коммерческих сношениях с прилегающим побережьем. Биржевому комитету, нам кажется, следует взять на себя инициативу ходатайства предъявить высшим правительствам об учреждении должности специального цензора по иностранной печати во Владивостоке, потому что при существующих условиях русские поставщики в гораздо худших условиях, чем китайцы и японцы».

Критическую статью на эту тему обнаруживаем и в другой газете Приморской области «Никольск-Уссурийский листок» [11]. Здесь в немногословной заметке автор отмечает: «… Лица, получающие иностранные газеты, начинают приходить в раздражение, не получая этих газет около двух месяцев ввиду отсылки их на цензуру в Москву».

Невозможность организовать цензурный просмотр из-за отсутствия подходящих лиц в составе местной почтовой конторы заставило Управление по делам печати просить Канцелярию Приамурского генерал-губернатора поручить Конференции Восточного института цензурирование изданий и на европейских языках. Местные власти обращаются с письмом к администрации первого на Дальнем Востоке высшего учебного заведения. Директор Восточного института А.М. Позднеев с ответом медлить не стал и уже через два

дня после прошения генерал-губернатора докладывал, что возложение на Конференцию обязанностей цензуры по рассмотрению газет и изданий на европейских языках – английском, французском, немецком – представляется не только вполне возможным, но и желательным [10. Д. 199. Л. 38]. По мнению Позднеева, цензура в существующем виде утрачивает свое значение, поскольку большинство изданий, выходивших в портах Кореи, Японии и Китая, имеют аналоги на европейских языках. Поэтому, даже если профессоры Восточного института изымают статью недопустимого содержания на восточных языках, она может свободно читаться на английском. Таким образом, г. Санкт-Петербург решил еще один вопрос. На Дальнем Востоке появился орган, который определенным образом контролировал печатное слово на иностранных языках.

Однако назвать Конференцию полноценным элементом цензурной структуры можно с большой натяжкой. Ведь официально профессорско-преподавательский состав не состоял при штате надзорного органа, а работал лишь по договору. Наказать штрафом, выговором или даже уголовным преследованием таких «контролеров слова» было нельзя. Через несколько лет, после начала Русско-японской войны, когда Восточный институт был эвакуирован в Верхнеудинск, это признал директор учреждения Позднеев. По его словам, Конференция вела дело «скрепя сердце», цензурирование изданий – это «частное соглашение с Управлением по делам печати», и высшему учреждению «несвойственны» обязанности цензора. Алексей Матвеевич также подчеркнул, что цензурою преподаватели занимались ввиду пользы, которую приносили краю. За три с небольшим года они просмотрели почти 40000 номеров газет [10. Д. 251. Л. 27]. Примечательно, что почти сразу с возложением на Восточный институт обязанностей иностранной цензуры, профессорам предложили стать хранителями общественной морали и по внутренним делам, то есть осуществлять просмотр местных газет, выходивших на территории Приморской области. Лишь после того, как в Конференции отказались от этого «лишнего» предложения, начались поиски кандидатуры отдельного цензора по внутренней печати.

Интересно наблюдать и сам процесс, который происходил во время работы профессорско-преподавательского состава Восточного института по цензурированию. Источником здесь служат два подробных отчета за 1901 г. и 1903 г. директора института А.М. Позднеева по выполнению обязанностей цензора. Основными «чтецами» иностранной периодики для ее контроля являлись четверо: А.В. Рудаков, П.П. Шмидт, А.Г. Спальвин, А.М. Позднеев. При необходимости к работе привлекали и других преподавателей. Соблюдать российские законы в области печати помогали и иностранные лекторы института: китайцы Ци Шаньцин и Лю Юньчжан и японец Маеда Киоцугу. Газеты во Владивосток посылали таможня из Иркутска, Волочисская таможня. Главным же образом печатные произведения доставлялись по морю на японских судах. По словам Позднеева, основная масса газет ввозилась в Россию с коммерческо-промышленной целью, а не для продажи, и вовсе не предназначалась для того, чтобы информировать местное население о зарубежных делах и тем самым влиять на общественное сознание. Газеты

везли, скорее, для бытовых целей, чтобы использовать бумагу как оберточную, для оклейки стен под обоями и даже для приготовления подошвы для китайской обуви.

Трудно представить, но из-за отсутствия помещения цензурная работа производилась прямо на улице. Тюки с бумажным грузом сваливались в институтском дворе, под воротами, и цензор приступал к изучению слов. Часто из-за отсутствия помощников и прислуги профессоры сами таскали тяжелые тюки с места на место. Причем, делать это приходилось исключительно в свободное от основной работы время, а как раз в этот час мог идти сильный дождь или дуть ураганный ветер. Сильными порывами газеты разносило по округе, по ним могли ходить студенты.

Стоит отметить, что, согласно отчетам, после цензурного рассмотрения к распространению в России запрещалось ничтожно малое количество газет. Так, за весь 1903 г. после цензурирования были запрещены 13 номеров газет и журналов, а 447 – запрещены с исключением. В течение трех лет сотрудники образовательного учреждения выполняли роль идеологического контролёра, что само по себе было не характерно для российского государства. Ведь на протяжении всего XIX в. именно в высших образовательных учреждениях училась и работала самая «вольнодумающая» категория граждан. А в должности цензоров профессоры фактически выполняли государственный заказ по предупреждению опасности, которая могла проникнуть в умы российских читателей и привести к негативным последствиям для общественного сознания и для страны в целом.

Еще одна особенность цензорской деятельности на Дальнем Востоке безусловно в том, что в других городах права и обязанности цензора присваивались одному лицу, а на Востоке страны ими по «уговору» наделили Конференцию. Преподаватели сами распределяли между собой газеты и другую печатную продукцию, а вознаграждение за работу делили в зависимости от конкретного участия того или иного профессора в общем деле.

С началом Русско-японской войны во Владивостоке наблюдалось сокращение иностранной периодики. Это объясняется военным положением в регионе. Начиная с февраля 1904 г. прекращается подвоз почты из Японии, Шанхая и Америки. А уже в конце этого года Конференция практически перестала проверять печатные посылки из-за рубежа. С переездом в Верхнеудинск она вообще сняла с себя обязанности по цензурированию как внешней, так и внутренней печати [10. Д. 251. Л. 25].

Несколько лет продолжалась переписка с губернскими и имперскими органами власти, прежде чем во Владивостоке появилась должность отдельного цензора, который подчинялся Главному управлению по делам печати при МВД и занимался проверкой местной провинциальной печати.

В начале XX в. Министерство внутренних дел признает, что ситуация с выходом периодической печати за последние 20 лет кардинально меняется. Если количество газет, выходивших в городах, не имеющих цензурных учреждений, было незначительным, то к 1900-му г. многие провинциальные «… газеты по объему и разнообразию материала не уступают столичным». Г.

Владивосток называли городом, где происходит сильное развитие периодической печати» [12. Л. 406 – 409].

Как уже отмечалось выше, в роли цензоров на Дальнем Востоке выступали вице-губернаторы и их заместители, чиновники местного губернского управления. Как и профессора из Конференции, «газетными вопросами» они занимались в свободное от основной работы время. Роль цензора мог выполнять не каждый чиновник. Требования были очень серьезными, ведь, по сути, этот человек защищал интересы легитимной власти и способствовал нераспространению ненужной и вредной для народа информации. Этот человек должен был иметь безупречную репутацию, высшее образование и не иметь нареканий со стороны начальствующего состава.

Генерал-губернатор и губернаторы с трудом подыскивали среди своих чиновников таких людей. Во-первых, образованные люди были в дефиците, а, во-вторых, цензурная деятельность отвлекала их от прямых обязанностей. Причем, контролеры слова менялись так часто, что редакторы не всегда могли наладить контакт с ними. С 1900 по 1905 гг. эту работу выполняли титулярный советник, помощник делопроизводителя канцелярии приморского генерал-губернатора И. Белоусов, советник Приморского областного правления А. Чернов, секретарь Приморского областного по городским делам присутствия Дюфуръ, начальник штаба Н. Левицкий, генерал-майор, бывший военный судья Аффаносович. Текучка «кадров» часто приводила к конфликтам. Поэтому редакторы часто жаловались на работу цензоров генерал-губернатору и даже в Петербург.

Конечно, для редакций периодических изданий было важно установить добрые отношения с цензорами, потому как «… жалобы на них, как правило, не помогали» [13. С. 97]. В одном из таких писем редактор газеты «Владивосток» Н.В. Ремезов указывал на то, что «… произвол цензуры не имеет границ» [14. С. 25]. Редакция каждого периодического издания, предоставляя в цензуру статью, обязана была знать автора публикации, даже в том случае, если это перепечатанный материал. Это нужно было для того, чтобы редактор в случае спора мог предоставить исчерпывающую информацию по требованию суда или Министерства внутренних дел. А такие случаи возникали довольно часто, даже после того, как цензор давал разрешение на пропуск в печать, но гражданские или военные начальники все равно находили в газете вредный «намек». И начиналось разбирательство, в ходе которого приходилось объясняться не только редактору, но и самому цензору. Например, помещенная в газете «Никольск-уссурийский листок» [15] статья под названием «Что такое китайская железная дорога?» вызвала возмущение в администрации военного губернатора Приморской области, поскольку авторы нелестно отозвались о политике российских властей, проводимой в Китае. Поэтому Конференции Восточного института, которая на тот момент еще занималась внутренней цензурой, пришлось объяснять, как материал прошел в печать. Цензор пояснил, что, пропуская эту статью, руководствовался ст. 108 Устава о цензуре и печати, дозволяющей всякие суждения о предметах, относящихся к новым общественным сооружениям, а также 111 статьей названного устава, по которой

цензура не имеет право необоснованно входить в раздор с частным мнением и суждением писателей [16. Л. 9 – 10].

А в газете «Дальний Восток» [17] была помещена заметка об аресте двух японцев в бухте Улисс во время съемки ими батарей. Это вызвало недоумение у коменданта крепости, который после публикации обращается к военному губернатору Приморской области с тем, чтобы тот распорядился провести проверку основания такой публикации. Цензор отвечал, что «… зорко следит за сообщениями относительно военного дела… и не разрешал к печати эту статью, редакция напечатала ее вопреки цензуре» [16. Л. 60].

Такие недоразумения приводили к конфликтам между цензором и редакторами газет. Все тот же исследователь Л.М. Сквирская, отмечала, что «… цензурных гонений не избежала ни одна из дальневосточных газет: выговоры, предупреждения, штрафы, судебные разбирательства» [6. С. 39].

Но стоит отметить, что отдалённость от центра играла и на руку дальневосточным издателям, во всяком случае, до того момента, пока не появилась должность отдельного цензора. Речь идет о том, что до 1903 г. в области не было компетентного органа, который бы мог определять официально степень вины издания по нарушению Устава о печати.

В начале 1902 г. военный губернатор Приморской области Н.М. Чичагов обращается в Министерство юстиции и МВД с предложением: «… ввиду отсутствия в крае компетентного органа для привлечения к уголовной ответственности редакторов, из-за чего приходится ждать пока Главный цензурный комитет даст правовую оценку деянию редактора, переложить вопросы преследования изданий за подобные нарушения местным губернаторам». Действительно, если следовать букве закона, то судебное преследование против редакций, которые печатали воспрещенные цензором статьи, могло происходить только после официального одобрения Главным управлением по делам печати, то есть орган мог решить, есть ли «состав преступления» в конкретном нарушении или нет.

Учитывая отдаленность от центра и раздутый административный аппарат, судебные дела могли открывать через 4 месяца после совершения «преступного» деяния. По мнению все того же Чичагова, это «… приводило к тому, что за это время может быть совершен ряд новых нарушений цензурного устава» [16. Д. 1587. Л. 21 – 22]. А потому местные власти сами накладывали штрафы на провинившиеся, по их убеждению, газеты и журналы.

Между тем, министр внутренних дел Плеве подчеркивал, что анализировать состав преступления редактора, определять степень вины имеют право исключительно коллегиальные цензурные учреждения, ведь именно они понимают всю тонкость вопроса. И изменить существующий порядок нельзя. Однако, учитывая рост числа газет и постоянных жалоб со стороны местной власти на их работу, было принято решение утвердить должность отдельного цензора по внутренней печати.

1 июля 1903 г. г. Владивосток стал первым городом на Дальнем Востоке Российской империи, где появился полноправный член цензурного комитета. Казалось бы, вопрос об организации контроля над периодической печатью на

Дальнем Востоке был решен. Но с началом Русско-японской войны в цензурной деятельности региона снова начинается путаница.

Итак, выводы советских исследователей по вопросу организации контроля над периодической печатью нуждаются в уточнении. Коммунистическая идеология, безусловно, наложила на труды историков противоречивый оттенок. Так, И.Г. Стрюченко и Л.М. Сквирская утверждали, что царская цензура «надела намордник» на дальневосточную печать, которая, безусловно, оказывала все большее влияние на общество. Несмотря на отсутствие должности отдельного цензора, Управление по делам печати пыталось всячески договориться с губернской администрацией по поводу контроля над работниками печатного слова.

Между тем, материалы источников, проанализированных нами, свидетельствуют о том, что, в силу объективного беспорядка в системе контроля над печатью на Дальнем Востоке, дело со свободой печати здесь обстояло куда лучше, чем в Центральной России. Ведь в крупных городах империи социальный институт цензуры как самостоятельной системы действовал уже довольно долго, а потому редакторам и журналистам приходилось действовать строго по правилам. Представители же дальневосточной периодики (при отсутствии жесткого контроля) чаще «ослушивались» писанных норм Устава о цензуре.

Литература и источники:

1. *Жирков, Г. В. История цензуры в России XIX – XX вв. / Г. В. Жирков. – М. : Центр, 2001. – 368 с.*
2. *Патрушева, Н. Г. Цензурная реформа в России 1865 г. : автореф. дис. … канд. ист. наук / Н. Г. Патрушева. – Л., 1990. ; Цензура в России в к. XIX – н. XX вв. : сб. воспоминаний / сост. Н. Г. Патрушева., СПб. : Изд-во РНБ, 2003. – 367 с ; Патрушева, Н. Г. Изучение истории цензуры второй половины XIX – начала XX вв. в 1960 – 1990-е гг. : библиографический обзор / Н. Г. Патрушева // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 2 (30). – С. 425 – 438. ; Цензурный аппарат России во второй половине X1X – начале XX вв. / сост. Н. О. Серебрякова, Т. Н. Жуковская // Памяти Ю. Д. Марголиса. Письма, документы, научные работы, воспоминания. – СПб., 2000. – С. 669 – 678.*
3. *Есин, Б. И. Русская дореволюционная газета, 1702 – 1917 / Б. И. Есин. – М. : Изд-во МГУ, 1971. – 88 с.*
4. *Добровольский, Л. М. Запрещенная книга в России (1805 – 1904) : архивно-библиографические разыскания / Л. М. Добровольский. – М. : Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1962. – 256 с. ; Бережной, А. Ф. Царская цензура и борьба большевиков за свободу печати / А. Ф. Бережной. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1967. – 287 с.*
5. *Сквирская, Л. М. Возникновение и развитие периодической печати на Дальнем Востоке во второй половине XIX в. : автореф. дис. … канд. ист. наук / Л. М. Сквирская. – М., 1971. – 20 с.*

6. Сквирская, Л. М. Краткий очерк истории журналистики на Дальнем Востоке в XIX – начале XX вв. : пособие по спецкурсу для студентов отделения журналистики ДВГУ / Л. М. Сквирская. – Владивосток : Изд-во ДВГУ, 1971. – 46 с.

7. Стрюченко, И. Г. Печать Дальнего Востока накануне и в годы Первой русской революции (1895 – 1907) / И. Г. Стрюченко. – Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1982. – 238 с.

8. Шахова, И. А. Периодическая печать и органы гос. власти Дальнего Востока России (вторая половина XIX – нач. XX вв.) : автореферат дис. на соискание учен. степени канд. наук / И. А. Шахова. – Владивосток, 2001. – 22 с.

9. Фут, И. П. Циркуляры цензурного ведомства (1865 – 1905) / И. П. Фут // Цензура и доступ к информации: история и современность. Тезисы докладов Международной научной конфернеции. – СПб. : 2005. – С. 53 – 55.

10. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). – Ф. 702. – Оп. 3. – Д. 199, 219, 251.

11. Никольск-Уссурийский листок. – 1902. – № 24.

12. Российский государственный исторический архив. – Ф. 776. – Оп. 34. – Д. 17.

13. Цезура в России: история и современность : сб. науч. трудов. – Вып. 1. – СПб. : 2001. – С. 97 – 101.

14. Вопросы журналистки. – Вып. 1. – Владивосток : Изд-во ДВГУ, 1970. – С. 14 – 27.

15. Никольск-уссурийский листок. – 1903. – № 41.

16. РГИА ДВ. – Ф. 1 – Оп. 2. – Д. 1587, 1617.

17. Дальний Восток. – 1903. – № 238.